

Мне приснился мир на Ближнем Востоке

В Берлинской Штаатсопер состоялась премьера «Отелло» — самая необычная из постановок творения Верди. Штаатсопер вообще славится новаторской режиссурой, а музыкальный уровень и захватывающая экспрессия спектаклей обеспечены Даниэлом Баренбоймом, уже почти десять лет возглавляющим театр на Унтер ден Линден. Но недавно газеты сообщили, что он покидает Берлин — возник конфликт с властями. Обозреватель «Известий» встретился с дирижером и пианистом перед началом спектакля.

Валерий КИЧИН

После Стены

— В интервью «Зюддойче цайтунг» вы назвали культурную политику в Берлине непрофессиональной. При том что здесь фантастические театры и музыкальная жизнь, которой можно позавидовать. Что вы имели в виду?

— Меня всегда поражает: если в каком-то проекте есть художественный и экономический смысл, он оказывается невысказанным в политическом отношении. И наоборот, любые проекты политиков наносят ущерб искусству и его экономике. Когда была возведена Берлинская стена, многие учреждения раздвоились: университеты, театры, музеи — всё. Это произошло и с оперой. ГДР канула, город стал единым, я с восторгом дирижировал концертом у рухнувшей Стены. Но теперь оказалось, что у нас всего избыток. И невозможно отдать кому-то предпочтение — везде сложились свои коллективы. Федеральное правительство и городские власти не могут определить систему приоритетов, они решили, что три оперы для Берлина — много, и хотели их слить. Ну хорошо, у театров может быть общий менеджмент, координация в репертуаре, возможно, общий хор. Но если слить два оркестра — погибнут оба. Перестанет существовать Штаатскапелла — старейший оркестр Германии, которому более четырех веков. Слава богу, теперь принято решение о поддержке со стороны федерального правительства, так что все будет ол райт.

— И вы уже не покидаете Берлин?

— Нет. Я остаюсь. Вы из России — вы поймете. Положение этого города уникально. Люди из Москвы здесь не чувствуют себя иностранцами — все напоминает родину. То же самое скажут люди из Лондона или Вашингтона. Но политики этого не понимают — смотрят только на Запад. А Берлин на полпути между Парижем и Москвой, это город-мост. Мы в театре хотим сделать акцент на опере из России, из Чехии. Не только приглашать коллег из Мариинки, но и помочь берлинцам осознать, в какой точке земного шара они живут.

Чашка чая

Мы сидим в кабинете музыкального директора Штаатсопер. До спектакля полчаса, Баренбойм в свитере пьет чай из большой кружки.

— Что насчет перспектив для оперы на новый век? Как ей снова стать популярной?

— А я думаю, опера популярна. Проблема: как сделать ее полноценным театром и при этом сохранить ансамбль — соединить штатных певцов с приглашенными звездами. Система, существующая в Штаатсопер, отлично работает во всех этих направлениях: у нас есть ансамбль, да и звезд приглашаем только таких, кто ансамбль ценит.

— Ансамбль выдающийся, но у вас явно ценят и режиссуру. Вчерашняя «Анда», сыгранная в интерьерах музея восточных древностей, — настоящее зрелище, каким и должна быть опера.

— Последние полвека были сплошным поиском новой зрелищности. Но трудно найти людей. Вот этот русский парень, Георгий Цыпин, который придумал оформление для «Отелло», — очень талантлив! Еще труднее найти режиссера, который умел бы работать с музыкой, — поэтому оперный театр театрален бывает редко. Режиссер из драмы или кино не может привыкнуть к тому, что здесь он уже не в состоянии контролировать темп и ритм спектакля — и то и другое задано композитором, громкость звучания тоже. Режиссеру кажется, что по ходу действия нужен крик — а у композитора стоит «пьянissimo»... Очень, очень трудно найти понимающих людей.

— Как-то вы сказали, что музыкант претворяет в музыку свои политические идеи.

— Я говорил: он претворяет в музыку все, что думает и чувствует. Я не имел в виду только политику. В принципе это вещи полярные: искусство не терпит компромиссов, политик же должен искать компромисс. Не найдется — он не политик, но если на компромисс соглашусь я — значит, я не музыкант.

— И все же — скажите о Вагнере. Вы так остро реагируете на любое проявление антисемитизма — как это совместить с интересом к Вагнеру, с планами поставить все его оперы?

— Вагнера нельзя оторвать от его времени — второй половины XIX века. Он был немецкий националист, и антисемитизм входил в состав этого понятия. Антисемитизм ужасен, но композитор не может нести ответственность за ассоциации, которые его музыка вызывает у людей разных убеждений. В Израиле многие уверены, что Вагнер жил в 1942-м и был личным другом Гитлера — я сам с этим столкнулся. Но его оперы не имеют отношения к антисемитизму, иначе я не мог бы ими дирижировать. Вот его литературные упражнения, его проза действительно чудовищны.

— У вас вышел диск памяти Дюка Эллингтона. Решили заняться джазом?

— Нет, нет, Эллингтон — особый случай. Я пришел к нему сложным путем. В свое время Дворжак поехал в США не только посмотреть и посочинять, но и кое-чему поучить американцев. Он хотел, чтобы кто-то написал американский эквивалент «Проданной невесты» Сметаны, и если б прожил дольше, то порадовался бы опере Гершвина «Порги и Бесс». Но один из его учеников стал учителем Эллингтона — вот почему я заинтересовался. Не скажу, что в музыке Эллингтона чувствуется влияние Дворжака, но классическая основа там несомненна. Так что для меня это только вылазка в джаз...

До спектакля семь минут, я начинаю дергаться, Баренбойм в свитере невозмутимо пьет из кружки: «Задавайте ваши вопросы».

По совету Спинозы

— Как известно из статьи «У меня есть мечта», вам приснился мир на Ближнем Востоке: ваша дирижерская палочка рождала новую гармонию между Израилем и Палестиной. В том сне вам принес кофе Спиноза и вы обсуждали, как две враждующие нации могут жить вместе в своем общем доме. У сна было продолжение?

— Есть анекдот, в нем отразились внутренние противоречия моего народа. Пять евреев спорят: что для человечества важнее? Моисей почесал в затылке: «Мысль». Иисус положил руку на сердце: «Сострадание». Маркс погладил по животу: «Еда». Фрейд поскреб в промежности: «Секс». Эйнштейн хлопнул по колену: «Все на свете относительно!». Вот почему евреев всегда раздражают сомнения. Людей на Ближнем Востоке разделяет многое, и прежде всего религия. Но религия должна быть отделена от государства, как это сделано во всем западном мире. Если эти два института слиты — это неминуемо разделит людей. Объединять людей разных вер может искусство. Мы создали оркестр, назвали его Ближневосточным, в нем играют парни и девушки из Палестины и Израиля — вместе. Их музыка гонит ненависть

Гражданин мира

Даниэл Баренбойм родился в Буэнос-Айресе, там же в семилетнем возрасте дебютировал как пианист; музыкальное образование — Израиль, дирижерский дебют — Лондон. Среди учителей — Игорь Маркевич, Вильгельм Фуртвенглер; последний называл его феноменом. Среди сотен записей классики — альбом Дюка Эллингтона и аргентинских танго. Убеденный прогрессист: создал не имеющий аналогов центр музыкального обучения «Эхо» в Чикаго, где с помощью интерактивных технологий осваивают классику, джаз, рок, блюз, рэп, духовную и этническую музыку; впервые записал все бетховенские симфонии с использованием DVD-технологий. Организатор Ближневосточного молодежного оркестра. Берлинской академией звукозаписи провозглашен «дирижером года». В 2000-м отметил полвека деятельности. Несмотря на занятость в берлинских Штаатсопере и Штаатскапелле, продлил контракт с Чикагским симфоническим и активно концертирует как пианист. К 10-летию художественного руководства театром Штаатсопер поставит там все оперы Вагнера.

прочь — ведь нестерпима сама мысль о том, что и в новое тысячелетие мы войдем враждой!

— Как вы ухитряетесь разрываться между Штаатскапеллой, Штаатсоперой, Чикагским и Ближневосточным оркестрами?

— А что? Завтра лечу в Чикаго... Мое расписание меня вполне устраивает. Часто спрашивают, зачем я так много работаю, — отвечаю: а я не работаю. Делаю ровно половину того, что мог бы. Я просто осуществляю свою страсть — создавать музыку.

— Что для вас Россия?

— Из России вышли мои дед и бабушка. Моя жена русская, мои дети наполовину русские. В последний раз я был в России в марте 1989 года и хотел бы приехать снова.

Три гонга, пора закругляться. Наспех жму руку человеку в свитере, бегу по коридорам, кубарем скатываюсь в партер, поднимаю на ноги весь ряд и плюхаюсь на свое место. За дирижерский

пульт уже неспешно, в безукоризненной смокинге с белоснежной грудью, поднимается Даниэл Баренбойм. Как он все успевает?

Кукловод Яго

На сцене что-то хрустально-металлическое а la одесский морвокзал; посередине бассейн, под колосники уходят винтовые лестницы, в глубине сверкает на солнце пляж и на нем дивы топлесс, с ярусов свисают веселые моряки в брюках клеш, внизу тушется пьяный мачо — Кассио, волнуется Дездемона в длинном платье голливудской звезды 50-х, и всем верховодит Яго в клубном блайзере преемствующего бизнесмена. Ждут прибытия Отелло.

Режиссер Юрген Флимм перенес действие в XX век, акцент — с мавра (Отелло тут бел и партикулярно) на Яго, и вышла трагедия не ревности, а распада потерявшей себя личности. К финалу раздавленный Отелло ползал у ног своего кукловода. Как сказала бы Лени Рифеншталь — любимый режиссер Гитлера, а ныне 98-летняя аквалангистка, то был Триумф воли. Бури и натиска. Манипулятор Яго разжигал пожар чужими руками. Буквально.

Когда Дездемона затянула песню про иву, Отелло мрачно последовал по ярусам морвокзала, поминутно поджигая факелом факел. И вот уже языки пламени охватили сцену по периметру, потом вспыхнул бассейн. Это было живое пламя, оно гудело и рвалось к колосникам, вскоре им было охвачено все видимое пространство, и посреди этого кострища Отелло пел свою песню безумия, обнимая мертвую Дездемону. Ничего подобного я прежде не видел. Пламя гипнотизировало, оно подчинялось вздохам оркестра и дирижеру. Тенор поднимался по винтовой лестнице под самые софиты, исполняя труднейшую арию мирового репертуара.

Отелло пел немец Кристиан Франц, Дездемону — американка Эмили Маджи, Яго — сибиряк Валерий Алексеев. За пультом стоял Даниэл Баренбойм, гражданин мира.

Пожар угасает. Финал «Отелло» в берлинской Штаатсопер